

Бертран
РАССЕЛ

Завоевание
счастья

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Бертран Рассел
Завоевание счастья

«Издательство АСТ»

1996

УДК 171(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

Рассел Б.

Завоевание счастья / Б. Рассел — «Издательство АСТ»,
1996 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-133346-1

Лев Толстой утверждал когда-то, что все несчастливые семьи несчастны по-разному, а все счастливые – счастливы одинаково. Эту мысль можно распространить и в целом на людей и даже на общество, а примеры счастливых людей дают надежду, что счастье вполне достижимо при выполнении ряда условий. Бертран Рассел взял на себя смелость разобрать абстрактное понятие счастья на составляющие и доказать, что в первую очередь счастье зависит от личных усилий человека и лишь потом – от внешних обстоятельств. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 171(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-133346-1

© Рассел Б., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Бертран Рассел

Завоевание счастья

Серия «Философия – Neoclassic»

Bertrand Russell
THE CONQUEST OF HAPPINESS

Перевод с английского *В. Желнинова*

Печатается с разрешения издательства Routledge, a member of the Taylor & Francis Group,
copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

© The Bertrand Russell Peace Foundation, 1996
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие

Мой труд вряд ли пригодится тем, кто смотрит на практические задачи просто как на предмет для беседы. Для понимания идей, изложенных в этой книге, вам не потребуется специальных знаний и широкой эрудиции, и вы не найдете в ней глубоких философских прозрений. Я всего лишь стремился свести воедино некоторые соображения, диктуемые, как мне хочется верить, простым здравым смыслом. Все, на что я претендую в отношении советов, предлагаемых читателю, подтверждается моим собственным опытом и моими собственными наблюдениями, которые способствуют моему счастью, когда я живу, опираясь на них. На этом основании я смею надеяться, что среди великого множества мужчин и женщин, страдающих от отсутствия счастья, в то время, как им хотелось бы им наслаждаться, некоторые читатели обнаружат в этой книге диагноз своей болезни и выберут из перечисленных мною способов излечения свой. Я писал эту книгу в убеждении, что многие несчастливые люди смогут в конце концов обрести свое счастье, если приложат к тому осознанные усилия.

Часть I

Причины несчастья

Глава 1

Что делает людей несчастными?

Животные счастливы, когда чувствуют себя здоровыми и когда у них достаточно пищи. Человеческие же существа, как мне кажется, тоже должны довольствоваться той же малостью, однако в современном мире это не так – по крайней мере, в большинстве случаев. Если человек несчастлив, он, скорее всего, будет готов признать, что не одинок в своем несчастье. А вот если он счастлив, то пусть спросит себя, много ли счастливчиков среди его друзей. Если вы решитесь задать этот вопрос друзьям, вам следует освоить искусство чтения мыслей по выражению лица; научиться также улавливать настроение и душевное состояние тех, с кем вы общаетесь едва ли не каждый день. «На всех я лицах нахожу печать бессилья и тоски», – говорил Уильям Блейк. При всем видимом разнообразии невзгод бросается в глаза, что несчастье преследует человека повсюду. Допустим, вы находитесь в Нью-Йорке, типичнейшем современном большом городе. Если вам случится оказаться на шумной улице в разгар рабочего дня, или где-нибудь в центре в выходной день, или вы будете наблюдать веселье и танцы в какой-нибудь из вечеров, – освободите свой ум от собственных мыслей и попытайтесь проникнуться мыслями и чувствами окружающих вас людей. Почти сразу вы осознаете, что практически каждый в этой многоликой толпе чем-то обеспокоен. В рабочей суете легко различимы тревога, чрезмерная сосредоточенность, отсутствие интереса к чему бы то ни было, кроме борьбы за выживание, неспособность веселиться, игнорирование ближних. Если вы выйдете на центральную улицу в воскресный день, вам встретятся сотни людей (в том числе очень состоятельных), предающихся праздности и погруженных в поиски удовольствий. Эти поиски ведутся в общем для всех темпе, на скорости самого медленного автомобиля в кавалькаде: невозможно ни разглядеть дорогу, ни любоваться пейзажем вокруг, ибо отвлечение может привести к аварии; все пассажиры поглощены желанием опередить другие автомобили, но это затруднительно из-за обилия машин; если же они ненадолго забывают о своем стремлении, как это порой случается с теми, кто сам не сидит за рулем, их охватывает неодолимая скука, а на лицах проступает банальное недовольство. Иной раз можно встретить развеселую компанию людей попроще в каком-нибудь переполненном автомобильчике, но компания ведет себя так шумно и разнузданно, что в конце концов попадает в руки полиции в результате дорожного инцидента. Даже в выходной день веселье не должно выходить за рамки закона.

Или, опять-таки, присмотритесь к участникам какой-нибудь вечеринки. Все приходят туда, заранее решив непременно получить от нее удовольствие, причем решение принимается с той мрачной убежденностью, с какой обычно садятся в кресло дантиста. Считается, что выпивка и флирт – залог радости, поэтому некоторые быстро напиваются, не замечая, насколько их поведение неприятно окружающим. После достаточного количества выпивки мужчины принимаются плакать и заниматься самоуничтожением, заявляя, что не стоят любви своих матерей. Единственное, что дает им спиртное – это осознание собственной греховности, которое в трезвом состоянии разум подавляет.

Причиной этих различных проявлений несчастья выступает социальная система, а также индивидуальная психология, которая, разумеется, в значительной степени сама является продуктом социальной системы. Я уже писал о тех изменениях в социальной системе, которые необходимо произвести для утверждения счастья. Что касается устранения поводов для войны,

экономической эксплуатации, воспитания при помощи запугивания и наказаний – здесь я об этом рассуждать не собираюсь. Точнее, ограничусь кратким комментарием. Предотвращение войн видится насущной потребностью нашей цивилизации, но успех не придет, пока люди настолько несчастливы, что взаимное истребление кажется им менее страшным, нежели их привычное существование. Бороться с бедностью, безусловно, нужно, коль скоро машинное производство способно хоть немного облегчить положение обездоленных; но какая польза от того, что все сделаются богатыми, если нынешние богатые уже несчастны? Воспитание в жестокости и страхе никуда не годится, но ничего другого нам пока не предлагают, поскольку воспитатели и сами воспитывались в жестокости и страхе.

Что могут сделать конкретный мужчина или конкретная женщина, здесь и сейчас, в нашем ностальгирующем обществе, чтобы стать счастливыми? При обсуждении этой проблемы я сознательно возьму для примера людей, которых трудно назвать жертвами каких-либо крайних форм страдания. Пусть это будут люди с достаточным доходом, чтобы обеспечить себя пищей и кровом, и достаточным здоровьем, чтобы вести обычный образ жизни обычного человека. Я не стану затрагивать катастрофические события, например, утрату всех детей или публичный позор. Конечно, и об этом можно сказать много по-настоящему важного, однако это события другого разряда. Моя цель заключается в том, чтобы предложить рецепт избавления от повседневных несчастий, одолевающих большинство населения цивилизованных стран, ибо эти несчастья тем невыносимее, что, не имея видимых внешних причин, кажутся неотвратимыми и неизбежными. На мой взгляд, эти несчастья проистекают, прежде всего, из ошибочного мировоззрения, ошибочной этики, ошибочных привычек, которые постепенно разрушают свойственные человеку от природы любознательность и интерес к жизни, на чем, собственно, и строится счастье, будь то у людей или у животных. Исправить такое положение – вполне в силах индивида, и я намерен предложить меры, посредством которых возможно достичь счастья в его, если угодно, типовом варианте.

Пожалуй, наилучшим введением в философию, которую я готовлюсь отстаивать, будет краткая автобиография. Я отнюдь не родился счастливым. В детстве мне частенько приходило на ум, что я, как поется в гимне, утомлен земными заботами и отягощен грехами². В возрасте пяти лет я думал, что, если мне суждено дожить до семидесяти (тогда как миновала всего-навсего четырнадцатая часть жизни), впереди меня ожидает продолжительная невыносимая скука. В подростковом возрасте я вообще возненавидел жизнь и постоянно балансировал на грани самоубийства, от которого меня удерживал лишь живой интерес к математике. Теперь же я, наоборот, наслаждаюсь жизнью; полагаю, можно даже сказать, что с каждым годом я наслаждаюсь ею все больше. Частично это объясняется тем, что я открыл для себя факт наличия в мире того, что мне интересно, и постепенно приобрел многое из того, что хотел. Отчасти же причина кроется в том, что я благополучно избавился от ряда желаний – например, от стремления к достоверному знанию о чем-либо – как от чего-то недостижимого на практике. Но в первую очередь перемены случились благодаря тому, что я стал куда меньше интересоваться самим собой. Подобно многим людям с пуританским образованием, я завел привычку размышлять о своей греховности, осмысливать свои прихоти и недостатки. И потому я казался себе – вне всяких сомнений, справедливо – жалким образчиком человеческого рода. Постепенно я научился оставаться безразличным к себе и своим недостаткам; начал все больше сосредотачивать внимание на внешних объектах – на состоянии мира, на отраслях знаний, на индивидах, к которым испытывал привязанность. Конечно, внешние интересы чреваты собственными неприятностями: мир может погрузиться в войну, знаний в той или иной области непросто добиться, а друзья могут умереть. Но эти неприятности не разрушают исходное качество жизни, в отличие от тех, что возникают из отвращения к себе. Вдобавок всякий внеш-

² Стихотворение английского священника С. Стоуна, автора десятков религиозных гимнов.

ний интерес побуждает к активности, которая, пока интерес сохраняется, представляет собой отменное профилактическое средство от ennui³. Зато интерес к себе, напротив, не подразумевает позитивной активности. Его результаты – это ведение дневника, психоанализ или, быть может, уход в монастырь. Но монах не обретет счастья, покуда монастырская рутина не заставит его забыть о собственной душе. Счастье, которое он приписывает вере, можно обрести и в должности подметальщика – при условии, что человек твердо намерен посвятить этому занятию всю свою жизнь. Внешняя дисциплина есть единственный путь к счастью для тех бедолаг, которые настолько поглощены собой, что их нельзя исцелить никаким иным способом.

Их пристальный интерес к собственной особе проявляется по-разному, но мы возьмем в качестве примера три широко распространенных типа: грешника, нарциссическую личность и человека с манией величия.

Упоминая «грешника», я не имею в виду человека, который действительно грешит: в конце концов, грехи совершаются всеми – или вообще никем, тут все определяется толкованием значения слова «грех». Нет, я имею в виду человека, который поглощен осознанием своей греховности. Этот человек постоянно осуждает себя, и это неодобрение, будучи человеком верующим, он интерпретирует как неодобрение со стороны Бога. Он располагает неким представлением о своем идеальном «Я», и этот образ находится в постоянном противоречии с реальностью. Если в своем сознательном мышлении он давно распрощался с принципами, усвоенными на материнских коленях, чувство собственной греховности может прятаться глубоко в подсознании и вырываться из этих глубин, лишь когда человек пьян или спит. Тем не менее даже этого может быть достаточно, чтобы человек потерял всякий вкус к жизни. В сущности, он продолжает следовать всем тем запретам, которые усвоил сизмальства. Ругаться плохо; пить спиртное плохо; пререкаться плохо; а хуже всего секс. Конечно, наш герой не воздерживается ни от одного из перечисленных удовольствий, но все они для него отравлены, они унижают его в собственных глазах. Единственное удовольствие, которого он жаждет всей душой, – это ласковое одобрение матери, испытанное им в далеком детстве. А поскольку это удовольствие ему уже недоступно, он чувствует, что все на свете бессмысленно; и раз уж он не может не грешить, то решает грешить с размахом. Влюбляясь, он ищет в любимой материнской нежности и заботы, но не может их принять, поскольку не может уважать женщину, с которой вступает в сексуальные отношения. Далее, разочарованный, он становится жестоким, раскаивается в своей жестокости и начинает заново весь этот жуткий цикл воображаемого греха и реального раскаяния. Такова, по-видимому, психология очень и очень многих будто бы законченных грешников. Их сбивает с пути истинного преданность недостижимому объекту желания (матери или замещающей ее фигуре), усугубленная усвоенным в ранние годы жизни нелепым моральным кодексом. Избавившись от тирании ранних убеждений и привязанностей, жертвы материнской «добродетели» сделают первый шаг к счастью.

Нарциссизм в определенном смысле есть противоположность традиционного взгляда на грех; это привычка восхищаться собой и жаждать восхищения окружающих. До некоторой степени это, конечно, нормально, и тут нечего осуждать; лишь чрезмерное увлечение своей особой становится серьезным пороком. У многих женщин, в особенности у богатых дам из высшего общества, способность любить практически полностью иссякла, и на смену ей пришло горячее желание влюбить в себя вообще всех мужчин. Когда такая женщина убеждается, что мужчина ее любит, она перестает в нем нуждаться. То же самое происходит, хоть и реже, с мужчинами; классическим примером здесь будет главный герой «Опасных связей»⁴. Когда тщеславие возносится на подобные высоты, уже невозможно говорить об искреннем интересе

³ Скуки (*фр.*).

⁴ Чрезвычайно популярный в XVIII – XIX столетиях сентиментальный «роман в письмах» французского сочинителя П. Шодерло де Лакло; главный герой романа из пустого тщеславия соблазнил и опорочил невинную девушку.

к другим, а потому невозможно обрести истинное удовлетворение в любви. Прочие интересы иссякают с еще более трагическим результатом. К примеру, нарцисс, вдохновленный общественным интересом к великим художникам, может заняться рисованием; но, поскольку живопись для него – всего-навсего инструмент, он не может увлечься ею по-настоящему и в итоге терпит провал, а вместо ожидаемого восторга публики получает насмешки. То же самое относится к тем романистам, в чьих произведениях предстают идеализированные героини. Мало-мальски значимый успех зависит от искреннего интереса к материалу, с которым ты работаешь. Трагедия множества успешных политиков заключается в том, что их поначалу искренний интерес к потребностям общества и желание принести ему пользу постепенно вытесняются нарциссизмом. Но человек, который интересуется только собой, не вызывает ни у кого восхищения, и никто не считает его заслуживающим восхищения. Следовательно, человек, озабоченный единственно тем, как бы заставить мир восторгаться собой, вряд ли достигнет желанной цели. Даже если он этого добьется, полноценного счастья ему не обрести, так как человеческий инстинкт никогда не бывает сосредоточен полностью на самом себе, а нарцисс искусственно ограничивает себя собственной личностью, так же, как и человек, одержимый своей греховностью. Первобытный человек может гордиться тем, что является хорошим охотником, однако он так же наслаждается процессом самой охоты. Тщеславие, когда оно превосходит пределы разумного, убивает удовольствие от любого вида деятельности и тем самым неизбежно ведет к вялости и скуке. Часто источником тщеславия выступает неуверенность в себе, и тогда исправить ситуацию можно, подняв свою самооценку. Но это достигается лишь при успешной деятельности, вдохновляемой объективными интересами.

Человек с манией величия отличается от нарцисса тем, что хочет властвовать, а не очаровывать, и ждет, чтобы его боялись, а не любили. К этому типу принадлежат многие сумасшедшие – и большинство великих людей в истории. Любовь к власти, как и тщеславие, оказывает сильное влияние на нормальную человеческую натуру, а потому с ней приходится мириться; она превращается в порок вследствие своего избытка или когда проистекает из искаженного представления о реальности. Когда это происходит, человек становится несчастным и (или) глупеет. Сумасшедший, который считает себя венценосцем, может быть в некотором смысле счастлив, но его счастье – не того рода, какому позавидует человек здравомыслящий. Александр Великий психологически относился к тому же типу, что и безумцы, но обладал даром осуществлять свои безумные фантазии. Впрочем, свою главную мечту он так и не реализовал, ибо она разрасталась по мере его завоеваний. Когда стало ясно, что он вправе зваться величайшим на свете полководцем, Александр возомнил себя богом. Был ли он счастлив? Пристрастие к спиртному, безудержная ярость, безразличие к женщинам и притязания на божественность свидетельствуют об обратном. Нельзя получить полное удовлетворение от развития какого-то одного элемента человеческой природы за счет других, как и от восприятия мира в качестве «сырья» для величия собственного эго. Обычно мания величия появляется как следствие чрезмерного унижения, испытанного человеком, независимо от того, был ли он изначально психически здоров или болен. Наполеон страдал в школе от нападок соучеников: те были богатыми аристократами, а он учился на скудном пансионе. Когда он разрешил вернуться во Францию *émigrés*⁵, то с удовлетворением наблюдал, как ему кланяются бывшие одноклассники. Какое блаженство, не правда ли? Но отсюда возникло желание добиться той же покорности от русского царя, но итогом стало изгнание на остров Святой Елены.

Поскольку никто из людей не может обладать всей полнотой власти, жизнь, в которой доминирует любовь к власти, непременно рано или поздно поставит перед ним непреодолимые преграды. Осознание этого факта можно стереть лишь за счет той или иной формы безумия,

⁵ Эмигрантам (*фр.*). Имеется в виду амнистия 1802 года, объявленная Наполеоном в ранге пожизненного первого консула, и разрешение вернуться во Францию тем дворянам, которые ранее бежали от революции.

хотя, если человек занимает достаточно значимое положение в обществе, он вправе заключить в тюрьму или казнить тех, кто будет отрицать его величие. Словом, репрессии в политическом и психоаналитическом смысле идут рука об руку. Там, где так или иначе обнаруживается психоаналитическое подавление (репрессии), подлинного счастья не найти. Власть, когда она имеет свои границы, может способствовать счастью индивида, но как единственная цель в жизни ведет к катастрофе, как внутренней, так и внешней.

Понятно, что психологические причины несчастья многочисленны и разнообразны. Но у всех у них есть нечто общее. Типичный несчастный человек – тот, кто, будучи лишен в молодости некоего «нормального» удовлетворения, научился ценить одну разновидность удовлетворения выше всех прочих и выстроил вокруг нее всю свою жизнь, уделяя избыточное внимание достижениям в ущерб удовольствию от самой деятельности, связанной с этими достижениями. Тут, впрочем, можно пойти еще дальше, и мы часто наблюдаем это в наши дни. Человек может мнить себя настолько чуждым обществу, что отвергает любые формы удовлетворения и принимается искать отвлечение и забытие. В результате он становится приверженцем «удовольствий». По сути, он стремится сделать жизнь сносной, отказываясь от реальной жизни. Напиваясь, человек словно убивает себя на какое-то время; счастье, которое приносит спиртное, откровенно негативно – это всего лишь мимолетное забывание о несчастье. Нарциссы и люди с манией величия верят в возможность счастья, хотя их способы достижения счастья весьма спорны, однако человек, жаждущий опьянения (в любой форме), уже оставил надежду на что-либо, кроме забытия. Такого человека следует перво-наперво убедить, что счастье желательно. Люди, которые несчастны, подобно тем, у кого нарушен сон, всегда гордятся своим недугом. Быть может, допустимо сравнить их гордость с гордыней лисы, потерявшей хвост; а значит, способ исцеления состоит в том, чтобы объяснить им, как отрастить новый хвост. Я думаю, лишь очень и очень немногие люди намеренно выбирают несчастье, усматривая в нем возможность стать счастливыми. Не стану отрицать, что такие люди существуют, но они слишком малочисленны, чтобы принимать их в расчет. Посему я буду исходить из убеждения, что читатель предпочтет быть счастливым, а не наоборот. Помогу ли я ему осуществить это желание, сказать затруднительно, однако попытка помочь ему в этом в любом случае не причинит вреда.

Глава 2

Байроническое несчастье

В наши дни, как, впрочем, и во все предыдущие исторические периоды, распространено мнение, будто среди нас имеются люди, наделенные особой мудростью: им, дескать, ведомо, что все подлинные радости остались в прошлом, а значит, жизнь как таковая утратила смысл. Люди, придерживающиеся этой точки зрения, по-настоящему несчастны, но они гордятся своим несчастьем, которое приписывают устройству мироздания и которое сами считают единственным рациональным мировосприятием, достойным просвещенного человека. Их любование собственными бедами заставляет людей менее искушенных подозревать, что это – не более чем поза: кажется, что человек, которому нравится быть несчастным, на самом деле не несчастен. Не будем, разумеется, чрезмерно упрощать; несомненно, за ощущением превосходства и причастности к чему-то великому, свойственному этим страдальцам, и вправду таится поза, однако ее недостаточно для компенсации более простых удовольствий, которых эти люди лишаются. Мне самому думается, что жизнь в несчастье – не повод для гордости, и об интеллектуальном превосходстве тут не может быть и речи. Мудрый человек будет счастлив настолько, насколько позволяют обстоятельства, и, осознав в созерцании, что вселенная полна невзгод, он обратится мыслями к чему-то еще.

Вот в общих чертах та позиция, которую я попытаюсь обосновать в данной главе. Я хочу убедить читателя в том, что, сколько ни доказывай обратного, разум не вводит эмбарго на счастье; более того, я уверен, что люди, обвиняющие в своих бедах мироустройство, ставят телегу впереди лошади: истина в том, что такие люди не осознают причины своего несчастья и оттого выделяют наименее приятные свойства окружающего их мира.

Для современных американцев эти соображения уже изложил мистер Джозеф Вуд Кратч⁶ в книге под названием «Современный характер»; что же касается поколения наших дедушек, то для них образцом и примером служил Байрон; ну а в широком смысле эту мысль сформулировал автор книги Екклесиаста. Мистер Кратч пишет: «Наше дело – пропащее, в природной вселенной для нас не осталось места, но мы, при всем том, нисколько не страдаем от того, что являемся людьми. Уж лучше мы умрем как люди, чем будем жить как животные».

Байрон говорил:

Когда растает радость, нам ее уж не вернуть, Не возродится прежний жар
в холодном пепле⁷.

Автор книги Екклесиаста рассуждал:

И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые
живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал
злых дел, какие делаются под солнцем⁸.

Все три вышеназванных пессимиста приходят к своим мрачным умозаклучениям после того, как испытали радости жизни. Мистер Кратч вращался в передовых интеллектуальных кругах Нью-Йорка; Байрон переплывал Геллеспонт и заводил бесчисленное множество интрижек с женщинами; автор же книги Екклесиаста предавался еще более разнообразным удоволь-

⁶ Американский писатель-натуралист, первоначально не разделявший восторженное отношение общества к прогрессу (собственно, на эти его взгляды и ссылается Рассел); впрочем, ближе к концу жизни Кратч стал смотреть на прогресс менее мрачно, хотя и продолжал утверждать, что чисто человеческие особенности (разум, сознание, свободу воли) нельзя объяснить «механическим научным детерминизмом».

⁷ «Романс».

⁸ Еккл. 4:2–3.

ствиям: он пробовал вино, слушал музыку, совершал «большие дела», строил водоемы для орошения, повелевал слугами-мужчинами и служанками-женщинами, и слуги рождались в его доме⁹. Даже в таких обстоятельствах мудрость его не покидала, но во всем он усматривал тщету и суету – даже в мудрости:

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь¹⁰.

Собственная мудрость ему как будто досаждала, и он пытался – неудачно – избавиться от нее:

Сказал я в сердце моем: «дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром»; но и это – суета!¹¹

Однако мудрость не покидала этого человека:

И сказал я в сердце моем: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это – суета...

И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!¹²

К счастью для литераторов, люди больше не читают тексты, написанные давным-давно (иначе они бы наверняка пришли к выводу, что, невзирая на все и всяческие водоемы, сочинение новых книг есть, безусловно, суета и тщета). Если нам удастся показать, что учение Екклесиаста – далеко не единственное, доступное мудрецу, то нам впредь уже не понадобится обращаться к позднейшим литературным выражениям того же самого умонастроения. В подобного рода дискуссиях следует различать умонастроение и его интеллектуальное выражение. Нет смысла оспаривать настроение, ибо последнее вполне может резко измениться благодаря какому-то удачному повороту дел – или благодаря изменению нашего физического состояния, но никак не вследствие рациональных доводов. Меня часто посещало умонастроение, в котором все казалось томлением духа и суетой; я вырывался из такого мироощущения не через философию, а через выполнение каких-то действительно необходимых действий. Если ваш ребенок болеет, вам будет грустно, но вряд ли вы решите, что все вокруг – суета и тщета; вы не станете задумываться, имеет ли какую-либо ценность человеческая жизнь; нет, вашей задачей будет исцеление ребенка. Богатый может чувствовать (и нередко чувствует), что все кругом – суета и тщета, но, случись ему потерять деньги, он быстро сообразит, что забота о хлебе насущном – не такая уж пустая суета.

Указанное мышление рождается из чрезмерно легкого удовлетворения потребностей. Человек, как и прочие животные, адаптирован к борьбе за жизнь (в некоторой степени), и когда по причине огромного богатства хомо сапиенс оказывается в положении, позволяющем моментально утолять любые желания, само отсутствие усилий, необходимых, чтобы жить, устраняет

⁹ Отсылка к следующему фрагменту библейского текста: «Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей. Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рошей, произрастающих деревьев; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною» (Еккл. 2:3–9).

¹⁰ Еккл. 1:17–18.

¹¹ Еккл. 2:1.

¹² Еккл. 2:15–17.

из жизни «ингредиент счастья». Человек, которому легко достается то, в чем он не испытывает сильной потребности, начинает думать, что удовлетворение потребностей не подразумевает счастья. Если он к тому же обладает философским складом ума, он может счесть, что человеческая жизнь бесполезна и напрасна, ибо тот, у которого есть все, по-прежнему несчастен. Этот человек забывает о том, что отсутствие чего-либо и возможность мечтать об этом есть важнейшая и неотъемлемая составляющая счастья.

Пожалуй, об умонастроении достаточно. Впрочем, в книге Екклесиаста содержатся и интеллектуальные доводы:

Все реки текут в море, но море не переполняется... Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Нет воспоминаний о прежних вещах... Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после¹³.

Если попытаться изложить эти доводы в стилистике, привычной для современной философии, получится приблизительно следующее: человек обречен постоянно трудиться, а материя находится в непрерывном движении, но все же ничто не вечно, хотя новое, вытесняя старое, несколько не отличается от того, что было раньше. Человек умирает, его наследники пожинают плоды трудов предка; реки впадают в море, но их водам не позволено оставаться там на века. Снова и снова, в бесконечном и бессмысленном круговороте, люди и вещи рождаются и умирают, не становясь лучше, не достигая небывалых высот, день за днем и год за годом. Реки, будь они мудры, не пожелали бы впадать в море. Царь Соломон, будь он по-настоящему мудр, не стал бы сажать плодовые деревья, урожаем которых суждено насладиться лишь его сыновьям.

Но при ином умонастроении все перечисленное выглядит по-другому. Ничто не ново под луной, говорите? А как насчет небоскребов, аэропланов и радиотрансляций выступлений политиков? Что царь Соломон¹⁴ знал о таких вещах? Доведись ему услышать по радио речь царицы Савской перед ее подданными по случаю возвращения из Соломоновых владений, разве не утешился бы он среди своих бессмысленных деревьев и водоемов? Найми он какое-нибудь пресс-агентство и поручи ему собрать все рассуждения молвы о красотах архитектурных сооружений его царства, прелестях его гарема и провалах прочих мудрецов, дерзнувших состязаться в мудрости с царем, продолжал бы он твердить, что ничто не ново под луной? Возможно, все выше-названное не избавило бы его полностью от пессимизма, но ему пришлось бы подыскать для мрачного взгляда на мир некое новое выражение. Действительно, в числе причин недовольства нынешним миром мистер Кратч упоминает, что сегодня появилось столько всего нового! Если равно досадны и отсутствие новизны, и ее обилие, тогда очевидно, что они едва ли могут быть истинным основанием для тоски. Опять-таки вспомним слова: «Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь» (1:7). В качестве повода для пессимизма можно признать, что путешествие будет неприятным. Люди отправляются летом на оздоровительные курорты, но затем возвращаются туда, откуда они прибыли. Разве отсюда вытекает, что бессмысленно ездить летом на курорт? Будь речные воды наделены чувствами, они бы, вероятно, наслаждались циклическими приключениями, подобно облаку Шелли¹⁵. Что же касается плодов, которые пожинают лишь наследники, то на эту ситуацию можно посмотреть под разным углом: с точки зрения наследника она ничуть

¹³ Еккл. 1:7—11.

¹⁴ Книга Екклесиаста написана, конечно, не Соломоном, однако бывает удобно ссылаться на ее автора как на знаменитого носителя царского титула. — *Примеч. авт.*

¹⁵ Имеется в виду одноименное стихотворение П. Б. Шелли, где от лица облака рассказывается о природных явлениях как о приключениях, выпадающих герою текста.

не катастрофическая. Да и сам факт, что все на свете преходяще, не является основанием для пессимизма. Будь новое заведомо хуже имеющегося, тогда стоило бы печалиться, но ведь прежнее меняется на лучшее, и это повод для оптимизма. Если же, как утверждал Соломон, новое равнозначно старому, что думать в этом случае? Не повод ли это признать бесполезность перемен? Вовсе нет, если только различные стадии этого цикла перемен не затруднены сами по себе. Привычка глядеть в будущее и ждать, что лишь когда-то раскроется истинное значение происходящего сегодня, кажется мне пагубной. В целом не отыскать значения, если этого значения лишены части. Жизнь имеет мало общего с классической мелодрамой, в которой герой и героиня преодолевают всевозможные невзгоды и в конце обретают счастье. Я живу и действую, мой сын наследует мне и живет по-своему, дальше наступит черед его сына. Из чего тут можно делать трагедию? Наоборот, живи я вечно, радости жизни неминуемо утратили бы для меня свою остроту и свежесть. А так – они не успевают наскучить и «перезреть».

Я грел ладони, жизнь, у твоего огня;
Он догорает, я готов уйти¹⁶.

Такое отношение столь же рационально, как и отвращение к смерти. Потому, если умонастроения будут определяться рассудком, у нас появится равное количество причин для тоски и для веселья.

Книга Екклесиаста трагична, а вот «Современный характер» мистера Кратча, увы, жалок. Обнаруживается, что мистеру Кратчу грустно, прежде всего, из-за того, что былые, восходящие к Средневековью ценности рухнули, заодно с некоторыми более поздними устоями. «Что же до наших несчастливых времен, – пишет он, – мы живем, преследуемые призраками мертвого мира, но так и не сумевшие освоиться в новом, и это нынешнее положение отчасти схоже с положением подростка, который не научился ориентироваться в жизни без опоры на мифологию, сопровождавшую его в детстве». Это утверждение совершенно справедливо применительно к определенной группе интеллектуалов – людей с литературным образованием, ничего не ведающих о современном мире; сызмальства им внушали, что веру нужно основывать на эмоциях, и потому они не способны совладать с детским стремлением к безопасности и защите, каковое невозможно утолить в мире науки. Мистер Кратч, подобно большинству других литераторов, одержим идеей, будто наука не выполняет своих обещаний. Конечно, он не сообщает нам, о каких обещаниях идет речь, но, по всей видимости, думает, что шестьдесят лет назад люди вроде Дарвина и Хаксли¹⁷ ожидали от науки чего-то, что не сбылось. Полагаю, это полнейшее заблуждение, выпестованное теми писателями и священнослужителями, которые не желают умаления значимости своих занятий. Верно, в мире вокруг нас сегодня много пессимистов. Но пессимистов всегда хватало, особенно когда доход людей по тем или иным причинам уменьшался. Правда, мистер Кратч американец, а американские доходы в целом возросли после войны¹⁸, но на всем Европейском континенте интеллектуалы сильно пострадали, и война как таковая принесла общее ощущение нестабильности. Эти социальные потрясения больше связаны с духом эпохи, чем с теорией мироустройства. Редкая эпоха способна сравниться по степени отчаяния с тринадцатым столетием, но ценности и вера, об утрате которых столь сожалеет мистер Кратч, устраивали тогда всех, за исключением императора и нескольких итальянских вельмож. Так, Роджер Бэкон¹⁹ писал: «В наши дни грех торжествует более, когда-либо в

¹⁶ Отрывок из стихотворения английского поэта У. С. Лэндора «Старый философ размышляет о смерти».

¹⁷ Имеется в виду зоолог и популяризатор науки Т. Хаксли; в отечественной литературе до сих пор часто встречается устаревшая транслитерация «Гексли».

¹⁸ Имеется в виду Первая мировая война.

¹⁹ Нелишним будет напомнить, наверное, что этот английский теолог, философ и естествоиспытатель жил именно в XIII столетии.

прежние времена, и грех сей несовместим с мудростью. Изучим все, что происходит в мире, и обсудим происходящее беспристрастно: нам откроется не ведающая пределов развращенность, коя царит прежде всего в голове... Похоть бесчестит весь королевский двор, а чревоугодие повелевает всем на свете... Если подобное свойственно голове, то как обстоит дело с конечностями? Вот перед нами прелаты, охочие до денег и забывающие об исцелении душ... Вот перед нами монашеские ордена: я не исключаю ни единого из них, когда говорю об этом. Вот сколь глубоко они пали, все до единого, с высот надлежащего служения; и новые братства (монахов) уже успели отвергнуть подобающее достоинство. Духовенство в своей целостности предается гордыне, разврату и алчности; где бы ни собирались клирики, будь то Париж или Оксфорд, они приводят в растерянность мирян своими дрязгами, ссорами и прочими пороками... Никому нет дела до того, чего и как добиваются, всеми правдами и неправдами; главное – чтобы утолялась похоть»²⁰. Относительно языческой мудрости античности Бэкон говорил: «Христиане ради своего дела, которое есть мудрость Божия, должны также изучать все прочее и дополнять пути языческих философов – не только потому, что мы их потомки и должны дополнять их труды, но и потому, что мы заставляем мудрость философов служить нашей мудрости. Ибо эти языческие философы создавали свои труды, побуждаемые самой истиной – настолько, насколько им было дано. В самом деле, всю философию они сводили к Божественному: это ясно из книг Авиценны... аль-Фараби, Сенеки и Туллия, а также Аристотеля»²¹. По Бэкону – и это мнение разделяли все его литературные современники, – та эпоха никому не нравилась и не могла понравиться. Я категорически убежден, что в этом пессимизме не следует искать метафизические причины. Он вырос из войн, бедности и насилия.

Одна из самых патетических глав в сочинении мистера Кратча посвящена любви. Как представляется, викторианцы очень высоко ее ценили, но наша современная утонченность побуждает проявлять скептицизм. «Для наиболее скептических викторианцев любовь исполняла отдельные функции Божества, ими ранее утраченного. Столкнувшись с этой утратой, многие из них, даже самые упрямые, внезапно обращались хотя бы на мгновение к мистике. Они внезапно ощущали присутствие чего-то, что будило в них почтение, на которое не мог притязать никто другой, и этому чему-то они, очень глубоко в своих сердцах, хранили непоколебимую верность. Для них любовь, как и Бог, требовала любых жертв; но, как и Он, вознаграждала верующего, наполняя все проявления жизни смыслом, который еще не подвергся рассудочному анализу. Мы вырастаем привычными – больше, чем викторианцы – к вселенной, где нет Бога, но мы еще не привыкли к той вселенной, где нет любви; лишь когда мы свыкнемся с этим фактом, к нам придет осознание того, что же в самом деле представляет собой атеизм». Любопытно, насколько Викторианская эпоха различается с точки зрения современной молодежи – и с точки зрения человека, который ее застал. Помню двух пожилых дам, типичных обликом для того периода; с обеими я был тесно знаком в юности. Одна была пуританкой, зато вторая – вольтерьянкой. Первая как-то пожаловалась, что поэзия уделяет слишком много внимания любви – этой, на ее взгляд, неинтересной теме. Вторая возразила: «Никто не скажет обо мне дурного, но я всегда считала, что уж лучше нарушить седьмую заповедь, чем шестую, ведь в этом случае, по крайней мере, нужно согласие другой стороны»²²

²⁰ Цит. по: Coulton G. From St. Francis to Dante. London, 1907, p. 57. – *Примеч. авт.*

²¹ Бэкон Р. Opus Magnum // Избранное. М.: Изд-во францисканцев, 2005. Перевод И. Лупандина. Аль-Фараби – мусульманский мыслитель, комментатор Аристотеля, известный в Европе времен Р. Бэкона своими работами «О разделении наук» и «Об уме и умопостигаемом». Туллий – Марк Туллий Цицерон.

²² Шестая заповедь – не убий, седьмая – не прелюбодействуй (Втор. 5:17–18).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.